

Министерство просвещения Российской Федерации
Государственное бюджетное профессиональное образовательное
учреждение Псковской области
«Великолукский медицинский колледж»

VII ежегодная научно-практическая краеведческая конференция
«ПОДВИГ МИЛОСЕРДИЯ»
«СЛАВА ПОБЕДИТЕЛЯМ!»

**Воспоминания о Локне из дневника
Н.Г. Чернышева – создателя ракетного топлива.**

Выполнила студентка
14 группы отделения «Сестринское дело»
Назаренкова Анна

Руководитель:
преподаватель общественных дисциплин
Саюнов Игорь Олегович

Великие Луки
2020 г.

Однажды, просматривая группу «Локнянская сага» в социальной сети «ВКонтакте», я обратила внимание на информацию о дневнике советского офицера Н.Г. Чернышева, в котором упоминается и Локня. Материал подготовила Егерова Нина Николаевна – директор муниципального бюджетного учреждения культуры «Межпоселенческое библиотечное объединение» муниципального образования «Локнянский район Псковской области».

Меня заинтересовало, как данная информация появилась в библиотеке. На мой вопрос Нина Николаевна ответила, что данную информацию ей предоставил профессор, доктор исторических наук В.И. Иванов из города Краснодара. Его родные в начале XIX века уехали из наших мест, и он приезжал познакомиться со своей малой родиной, заходил в библиотеку, а после прислал этот материал. Оказывается, что подлинный дневник Н.Г. Чернышева находится в музее средней школы №6 станицы Казанской Кавказского района Краснодарского края. Дневник был передан в дар музею вдовой офицера З.Г. Чернышевой-Грызловой.

Информация из дневника вызвала у меня интерес, поэтому некоторые фрагменты из него я хочу представить вашему вниманию.

«...Старая Русса, 05.07.1941 г. Итак, уже семь дней в пути. Несмотря на то, что едем очень медленно и на станциях подолгу стоим записывать ничего не удавалось хотя материал для записи и обилен. <...> За семь дней пути нагладелись всего. Вначале мы просто медленно ехали, пропуская различные, очевидно более важные поезда. Затем нам стали попадаться поезда с имуществом, эвакуируемым из наших прибалтийских республик. Затем пошли составы с беженцами. Мы увидели первые жертвы войны. Услышали первые вести от людей уже видевших войну и уже пострадавших от нее. Большинство из беженцев это жены наших командиров. Война захватила их внезапно. Они бежали, решительно бросив все. Не захватив ни вещей, ни денег. Многие даже босиком. Некоторые потеряли детей. В общем, много горя и слез <...>.

Около Бологого нас уже начали бомбить немецкие самолеты. Для меня это было сплошной неожиданностью. Я почему-то ни как не думал, что немцы будут так свободно менять по нашей земле, да еще вдобавок среди бела дня».

По записи следующего дня видно, что складывающаяся ситуация давила своей неопределённостью.

«...Дно, 06.07.41 г. <...> Куда мы едем, пока точно неизвестно. Окончательный маршрут должны узнать в Пскове. Есть основание предполагать, что направляемся в Прибалтику. К нам подсоединился еще один ГАС (*головной авиационный склад. Прим. А.Н.*)».

«...Сущево, 10.07.41 г. <...> в Сущеве мы впервые встретились со своим армейским начальством. Два капитана – Волков и Майоров и интендант 2-го ранга Сбитнев М.И. Оказывается, они ехали из самой Прибалтики, везли на машинах боеприпасы.

В Сущево мы получили также караульную роту, рабочую роту и нечто вроде автозвода. Работы, конечно, было по горло. Надо было разбивать территорию, прокладывать дороги, руководить. А опыта настоящего, боевого ни у кого из нас нет. Кое-как справились. Но и сейчас еще работы больше, чем мы успеваем делать. Спать приходится только урывками. Как на грех, стоит страшная жара. Весь промокаешь насквозь. От этого утомляемость значительно усиливается».

Дальнейшая переброска в Локню была достаточно неожиданной, продиктованной сложившимися обстоятельствами.

«...Локня, 15.07.41 г. Не успели развернуться в Сущево, как пришлось менять место. Сейчас наш ГАС разбился на три части. Одна очень маленькая, осталась в Сущево, другая самая большая, находится здесь на Локне и третья, тоже значительная, на Насве. Я нахожусь с Локнинской группой и одновременно контролирую работу Сущевской группы, там за старшего оставлен Шульман. <...> На Локню же переехал и артснаб. Так, что здесь, по существу, основной эшелон по питанию армии боеприпасами. Работы, конечно, и здесь по горло. Тем не менее, здесь впервые с момента отъезда из Рыбинска нам удалось искупаться в бане. Какое это блаженство».

Несмотря на то, что шёл ещё только первый месяц войны, люди уже успели познать многие тяготы торопливой и потому тяжёлой эвакуации.

«Локня, 20.07.41 г. <...> На Локне делается черт знает что. Все линии забиты вагонами. Был такой момент, что одних только боеприпасов здесь было более ста вагонов. Не меньше имущества у продуктовагонов. Здесь же автобронетанковый склад. В общем, на Локне столпотворение, что сердце сжимается при мысли, что а вдруг прилетит. Но, слава богу, пока не летает, а мы спешно возим и возим. <...> Устал смертельно. Спать не удается даже урывками. А жара стоит такая, что даже ночью стоит духота. Днем же пот струями стекает по телу в сапоги, и там образуются чавкающие лужи. Ноги болят, но времени нет даже на то, чтобы переобуться, помыть ноги, сменить носки и выгрести из сапог грязь...».

Постепенно ситуация менялась, враг приближался, и это заставляло принимать новые меры.

«Локня, 25.07.41 г. <...> уже 20.07.41 г. стало ясно, что мы будем отходить на следующий оборонительный рубеж. Еще более ясным было то, что выгрузку боеприпасов надо сделать в возможно более спешном порядке, так видно было, что никто специально нас, прикрывать не будет. <...> На Локне работа кипела, шли одновременно разгрузка, погрузка и формирование составов. Однако все составы, вернее все до одного вагоны находились на станции, так как отправлять их было пока еще не куда. Путь между Великими Луками и Новосokolьниками был разбомблен. Дорога же в сторону Дна была уже перерезана немцами. На участке разрушенной дороги шло восстановление работали несколько бригад. Локнинские же составы ждали восстановления. Станция еще больше была забита вагонами, машинами, людьми. Несколько раз прилетал немецкий разведчик, кружил над нами, но как это ни странно, не бомбил. Хотя, может быть, ничего

странного здесь и не было, так как немцы очевидно уже расценивали все эти составы как свои трофеи. <...>

В 23 ч. 00 м. 21.07.41 г. меня вызвал к себе капитан Никипелов (наш уполномоченный по эвакуации) и сказал, что дорога на Великие Луки отремонтирована и сложившаяся обстановка требует скорейшего нашего отъезда со станции Локня. Он предложил мне подготовить все так, чтобы в 4 ч. 00 м. я мог тронуться в путь. <...>

Когда вернулся к своему составу, измученные работой люди уже спали. Бодрствовали только часовые и дежурный. Страшно хотелось и самому прикорнуть хоть на полчаса. Перед этим мы в буквальном смысле, в течение двух суток не уснули и на минуту. Удавалось поспать только красноармейцам, пока распоряжающиеся ими начальники получали новые задания. Предстояла третья бессонная ночь. Однако утешало то, что завтра мы тронемся в путь, а уж в дороге можно будет отоспаться. <...>

Ночь прошла незаметно в тяжелой работе. Люди двигались, неся на себе тяжесть предыдущих бессонных ночей. Некоторые работали как под гипнозом – с закрытыми глазами, у некоторых же хотя и открыты были глаза, но как то остекленели усталостью. Тем не менее, распоряжение было выполнено, и на рассвете я готов был к отъезду. <...>

Это утро 22.07.41 г. было юбилейным. Исполнился месяц войны. И началось оно, так же как и во все предыдущие дни, этого чудного своим плодородием лета. На небе не было ни единого облачка, и в нем сияло горячее, яркое солнце. Пели птицы, куда-то неслись до наступления зноя покончить свои неотложные заботы. Природа жила своей постоянной красочной и деловой жизнью. И только одни люди проявляли несколько необычную поспешность и настороженность в ожидании чего-то. И в этом чувствовалась их оторванность от природы, одиночество, дикость деятельности, драма заблуждения.

Я невольно почему-то подумал о том, что человек является единственным детищем природы, ставшим на путь самоистребления. Когда и в силу какого обстоятельства он соскользнул на этот порочный путь? Одним материализмом этого не объяснишь.

Размышлять, однако, было некогда. Вынужденную задержку надо было использовать в целях учета нашего имущества.

Станция постепенно пустела. Уходил состав за составом. И с каждым вновь ушедшим составом словно уходила частичка жизни. Больше становилось свободного места, меньше людей и движения. Пустел и поселок. С рассветом еще, из него двинулись телеги, нагруженные крестьянским скарбом и окруженные женщинами, детьми и животными. Сейчас же только изредка, можно было видеть одинокую группку обездоленных. Чувствовалось, что враг очень близко. В семь утра мой состав, на станции был единственным. <...>

Сидеть сложа руки было слишком нудно, да я и боялся – как бы не уснуть. Решил обойти всю станцию и обнаружил при этом массу брошенного ценного имущества. Поднял людей и приказал загружать в свободные

вагоны. Локня постепенно замирала. Слишком сиротливое впечатление производил наш одинокий состав и маленькая группка моих людей работающих около него. Уже не видно было и беженцев. Редко-редко только, по улице проносилась машина и исчезала по направлению к Холму. <...> Пошел опять к Майорову. <...> Вернувшись на станцию, пошел по пакгаузам. Обнаружил большое количество продовольственных запасов и, сообразив, что увезти с собою и малой доли их мы не сможем, решил отдать их населению. <...>

Разыгралась безобразная сцена. Охваченные жаждой наживы, мужчины и женщины, молодые и старые, здоровые и больные захватывали пятипудовые мешки и, надрываясь, бегом, тащили их домой. В один миг все склады опустели. И вот, когда мешков с продовольствием осталось мало, их стали вырывать друг у друга. Несколько мешков с мукой, схваченных одновременно десятками рук, были разодраны в клочья, и мука белым облаком повисла в воздухе. <...> Это были добровольно остающиеся. Это были, быть может, даже враги. Но, то с какой жадностью они хватались за мешки, говорило о том, что из розданного добра немецкая армия не получит ничего. <...>

В 13 ч. 30 м. поезд дрогнул и пополз мимо станционных строений. На перроне стояли несколько железнодорожников и махали нам руками.

Со мною ехали 54 человека. 46 человек взвода охраны, 4 техника и 4 курсанта. Из воентехников поехали: Грачев, Тимофеев, Васильев и Филипов, из курсантов: Маруненко, Никитин, Коноплев и Магилевский. Всех остальных я отправил с машинами на 62-й километр.

Солнце сияло даже по-летнему слишком жарко. Во всем теле ощущалась усталость предыдущих бессонных ночей. Подошвы горели от надсадности и от того, что уже в течение недели я ни разу не переобувался. И поэтому, естественно, первое, что я сделал, как только тронулся поезд – это разулся, вымыл холодной водой ноги и сменил сапоги тапочками. Сразу же после этого на меня налетела волна бодрости, радости и веселья. Мир показался прекрасным, а жизнь сказкой. Захотелось расцеловать все живое. Радость, однако, была непродолжительной. Почему то вдруг вспомнил, что утром было сообщение о первой бомбежке Москвы. Москва – это родные и близкие. Сердце сжалось тревогой...».

Далее поезд двинулся к станции Самолуково, а затем к Насве но добраться до неё спокойно было не суждено. Идущий полным ходом поезд был отправлен в тупик и обстрелян. Красноармейцы, в рядах которых был Николай Гаврилович, попав в полукольцо немецких пулемётов и миномётов, приняли бой, хотя и не все из них смогли сражаться самоотверженно.

«...Крикнул к себе командира взвода. Откуда-то совсем издалека донесся его перепуганный голос.

Я понял, что имею дело с трусом и решил командовать атакой сам. Дал приказание надеть штыки. Надели. <...> Приказываю сблизаться с противником, не прекращая винтовочного и пулеметного огня.

Отдав это приказание, я сразу же сам пополз вперед. Что делалось сзади, я не видел, но очевидно в первый момент все дружно рванулись вперед, так как огонь немцев вдруг резко возрос. Шквал огня был столь велик, что даже мне очевидцу, трудно было верить в то, что в воздухе может находиться так много летящих и свистящих предметов.

Как это ни странно, но почему-то мне вспомнилось лето 1922 года. Оно было таким же жарким и плодоносным. Мы были на пасеке. Весь воздух там был наполнен гулом пчелок, летящих за взятком. Помню, тогда я удивлялся, что, несмотря на то, что, судя по гулу, весь воздух занят пчелами не одна из них, на меня не налетает.

Так и теперь в воздухе густо жужжали пули. День был таким же солнечным и жарким и, так же как и тогда, казалось, что стоит сделать лишь маленькое движение вперед и в тебя сейчас же вопьются сотни поющих посланцев смерти. А, тем не менее, я ползу вперед, за мною ползет своеобразное кольцо, напоминающее бурное кипение каши на открытом огне, кольцо ударов пуль о сухую землю вокруг меня, но сам я остаюсь живым и невредимым».

Остановившись оценить обстановку у вагонов, Николай Гаврилович понял, что в атаку вместе с ним поднялись далеко не все. Увидев воентехников и курсантов рядом, он отметил, что караульный взвод не направился за ним, а пополз в противоположную сторону, к той же груде камней, за которой укрылся их командир.

«В это время ко мне подполз воентехник 2-го ранга Васильев. <...> Приказал Васильеву, немедленно бежать на заставу и требовать от них помощь всеми имеющимися у них людьми и средствами. В этом было единственное спасение.

Мучительно потекли минуты. Небо и воздух превратились в ад. Я никогда не думал, что можно так сконцентрировать огонь, на такой небольшой площадке».

Для того чтобы спасти людей и состав до прибытия помощи, Николай Гаврилович решил перебросить техников на левую сторону полотна.

«Дал приказание перекатываться на левую сторону. <...>

Первым рванулся на насыпь Коноплев, но сейчас же под бешеным огнем противника скатился вниз – однако живым и невредимым.

Вторым вырвался Филиппов и удачно перекатился на левую сторону.

Третьим вырвался я. И вот только когда я очутился на полотне железной, дороги, только тогда я понял, что такое интенсивный обстрел. <...>

Плотно прильнув к земле, я пополз вперед. Каждое движение вперед вызывало все новые и новые приливы огня. Страха не было. Но было все тоже чувство нереальности и хотелось жить хотя бы до конца боя. Полз, не отрываясь от земли ни на один миллиметр. Изредка останавливался и стрелял, когда из за укрытий появлялись немецкие каски. По спине, ребрам, голове и ногам изредка больно ударяли осколки камней, разбиваемые пулями. Несколько раз думал, что ранен. Наконец дополз до спасительных

кустиков. Выгребая руками вперед песок, увеличил промоину и залег. <...> Как-то случайно взглянул на небо и увидел, что солнцу все происходящее здесь на земле, со мною и моими товарищами, абсолютно безразлично. Был нормальный летний день, солнце и не думало о том, что если бы оно поспешило убраться за горизонт, то было бы лучше, что много нужных жизней было бы спасено. Особенно поразило меня, то, что я увидел крошечного янтарного жука, деловито ползшего по стебельку укрывшего меня кустика.

Я еще лишний раз убедился в том, что война, это личная трагедия человека».

В этом бою Николай Гаврилович получил ранение. Вот как он описывает то, что произошло:

«...Обернулся опять к Грачеву. <...> Хотел спросить о Васильеве и в это время вдруг почувствовал, как кто-то хватил меня по голове железной палкой. Было именно такое ощущение. В глазах потемнело. К веселому жужжанию пуль, к гулу разрывов и выстрелов, добавилось новое, шум в ушах. Схватился за голову и нашел там кашу. Не знаю, было это или нет, но даже если и было, то только на какую-то долю минуты я потерял сознание.

Когда я полностью очнулся и овладел собою, я протер глаза и первое, что увидел это землю перед собою и гимнастерку, залитые кровью.

Летний день был, все таким же безразлично прекрасным и безжалостно жарким. От того стало как то особенно тоскливо на душе. Подумал, что это наверно конец. Вспомнил Зину, Олю, Михаила Клавдиевича. Страшно не захотелось умирать именно так, здесь, безвестным. Умирать среди врагов. Почувствовал, что надо сделать любые усилия, но дотащить до своих. <...>

А помощи с заставы все не было. Немцы же, словно обезумев, обрушили на нас огонь такой силы, что трудно даже представить себе, что он может быть таким. Откуда-то у них появились малокалиберные пушки. Мне трудно было дышать от потери крови и слабости, а казалось, что это от того, что пули и снаряды вытеснили воздух. Что в воздухе мало воздуха, но много металла и огня.

На короткий миг испытал ярость бессилия, что ни будь сделать. Ярость эта была столь велика, что, не находя выхода, она обратилась против меня же самого. Хотелось подняться во весь рост и идти с гранатами и кулаками на немцев. Взял себя в руки и решил передать команду Грачеву. <...>

Стараясь кричать громко, но спокойно, прокричал ему: «Я ранен, только ранен. Васильев же, наверное, убит и на заставе не знают о нашем положении. Бери на себя команду. Выводи людей на заставу. С заставы вместе с батальоном НКВД атакуйте противника. Я тоже постараюсь доползти туда». При последних словах я видел, что Грачев уже полностью овладел собою. Не успел я закончить, как он схватил пулемет и исчез за насыпью.

Я остался совсем один. Мелькнула обидная мысль – бросили. Стало очень тоскливо. Лег лицом в пропитавшуюся моей кровью землю и так пролежал без движения и мысли некоторое не большое время. Потом словно

толчком разбудила мысль-желание: «добраться к своим, во что бы то ни стало доползти до заставы, живым или мертвым». И медленно изредка стреляя, я стал ползком пятиться назад. Огонь немцев был столь же интенсивен, как и раньше. Когда отполз метров десять, пощупал рукой наган и ужаснулся. Пояс оказался расстегнутым, и нагана на нем не было.

Как ни сильно было желание умереть среди своих, но чувство постыдности оставить личное оружие врагу было сильнее и я решил ползти навстречу смерти и искать оружие. <...>

Я уверен был, что наши уже отошли, что я ползу к немцам и достанусь им живым, что, быть может, меня ждет ужасная смерть, но, тем не менее, полз вперед. <...> Дорогу находил легко – по следу из собственной крови. Наконец я увидел и наган. Прицепил его к поясу и стал пятиться назад».

Несмотря на ранение и сложнейшее положение, в котором он оказался, Николай Гаврилович всё же смог добраться до своих. Бросив две гранаты и уничтожив ими немецкий пулемётный расчёт, преграждавший путь, он из последних сил побежал.

«...Зной достиг своего предела, во рту все пересохло настолько, что я не мог шевелить языком, ноги с трудом повиновались, сердце казалось вот-вот остановится. Каждую минуту я готов был упасть, но я бежал и бежал с решением, что если сердцу и суждено не выдержать, то пусть оно разорвется тогда когда я буду среди своих.

И сердце выдержало. Я упал лишь тогда когда перебежал речонку, за которой была застава. Холодная вода сразу же привела меня в себя. Лежа в воде я пил ее. Еще лежа в воде, я заметил бегущего ко мне красноармейца. Мой вид, очевидно, был ужасен, так как молодой парень сразу же стал всхлипывать и приговаривать: «что же это такое товарищ майор». Я засмеялся и сказал, что это война и что страшного в этом нет ничего. Затем приказал вести меня на заставу...»

Получив необходимую помощь, невзирая на усталость, Николай Гаврилович приказал готовиться к атаке, чтобы если не отбить поезд, то хотя бы поджечь его и не дать немцам завладеть перевозимыми в нём боеприпасами. Как оказалось, станция была занята уже давно, и гитлеровцы успели стянуть туда подкрепления, которые всё прибывали и прибывали – в бинокль были видны почти два десятка машин, танк, две танкетки и артиллерия. Вдруг, прямо на глазах наблюдателей, немецкая батарея начала обстрел брошенного поезда.

«...Один из снарядов угодил в вагон около паровоза груженный боеприпасами и все вагоны с аналогичным грузом один за другим стали взлетать на воздух.

Причина обстрела немцами состава до сих пор мне не понятна. Но факт остается фактом, то что собирались сделать мы и над чем я ломал голову, сделали немцы. Боеприпасы были взорваны.

Когда стали взлетать на воздух вагоны, немецкая артиллерия перенесла огонь по близлежащим кустам, затем обрушилась и на заставу. Продолжая вести наблюдение за противником мы укрылись в блиндажи.

Огонь стих. Одновременно наблюдатель донес, что на заставу идут танк и две танкетки...»

Отходили под сильным обстрелом, по руслу реки Смердель добрались до открытого места, откуда сумели уйти в росший на болоте лес.

«Это была самая настоящая тайга. Груды поваленных деревьев, жидкая болотистая почва, вся сплошь усеянная колючими сухими ветками и сучьями. Каждый мой шаг сопровождался новыми и новыми ранами на ногах, так как я шел совершенно босой. Через пару километров пути нога уже кровоточила больше чем голова. Однако желание идти все побороло, и я шел, шел и шел, перестав в конце концов ощущать боль и в ногах, и в голове. Наоборот, я ощущал какую-то легкость, порой меня шатало из стороны в сторону, порой кружилось в голове, но на сердце был поочередно то восторг сознания что все боеприпасы подорваны и я жив, то страшная тоска по погибшим товарищам. <...> Так мы прошли километров десять и вышли на большак. Уже вечерело. По большаку направились к деревне Борки».

Не задерживаясь в деревне, продолжили свой путь, и, пройдя в общей сложности около 20 километров, догнали сапёров в деревне Хохлово.

«В Хохлово спали в какой то пустой хате. Я лег прямо на печь, положив под голову бревно. Проснулся рано утром. Под головой была лужа крови. На ноги невозможно было ступать т. к. они распухли и представляли из себя сплошную рану. Пока все спали, я кое-как дополз до реки, умылся, помыл ноги и перебинтовал их лоскутами, надранными из нижней рубахи, которая, кстати сказать, была вся пропитана кровью.

С трудом разбудил бойцов, и мы тронулись дальше. Встретили телегу саперов, на ней был убитый красноармеец. Я снял с него ботинки, обулся, и сразу идти стало легче».

Они двинулись дальше вдоль Ловати, до деревни Черпеса, где их накормили вышедшие навстречу женщины.

«...я пошел в одну из хат и посмотрел на себя в зеркало. Посмотрел и ужаснулся. Вид у меня был жуткий. Голова перевязана тряпкой насквозь пропитанной кровью. Все лицо покрыто черной высохшей кровью, не отмытой утренним умыванием. Воротник, плечи и грудь гимнастерки также в крови. Глаза ввалились черт знает куда. Мне сразу стало ясно, почему я не мог успокоить женщин. Отмываться, однако, было некогда.

Я боялся, что немцы уже заняли Локню и раньше нас выйдут к Подберезью, тогда бы наше положение вновь стало критическим. Надо было спешить».

Идти было трудно, трудно поднять в поход бойцов. Шли с короткими передышками.

«Десять минут отдыха – пятьдесят минут марша. Так мы дотащились почти до Немчинова. Здесь в лесу я обнаружил полевой госпиталь ППГ-2263,

мне сделали настоящую перевязку. К вечеру на машине госпиталя добрался в свою часть, взял свою машину и вернулся назад за своими товарищами.

Когда ехал уже со всеми домой не мог не обратить внимания на чудную летнюю ночь. Она была столь же замечательна, как и день. Ее великолепие волновало душу и рождало слезы.

В голове проносились эпизоды недавнего боя, картинки скитаний по болоту. Я видел, как я дерусь с немцами, и ощущал их ураганный огонь, и мне становилось немного страшно и не верилось, что это могло быть. Я видел как, напарываясь на пни и колючие ветки бурелома и сухостоя, я шел босиком через болото, подбадривая бойцов и одновременно подавляя в себе желание упасть и не двигаться – и не верил тому что это могло быть. Я видел нашу группку из четырнадцати человек настороженно двигавшуюся вперед, каждую минуту ожидая столкновения с немцами и поэтому чутко прислушивавшуюся к каждому шороху и анализировавшую каждую тень. Я слышал крики умиравших товарищей, и сердце наполнялось тоской.

Но красота божественно величавой ночи побеждала все и изредка меня охватывала радость сознания, что я жив, что могу любоваться ночью».

Завершается этот отрывок дневника записью, сделанной в Комкино:

«Комкино, 01.10.41 г. Позавчера, вчера и сегодня, весь день и ночь, мимо нас на передовую идут подкрепления. Радует то, что наши войска, могут теперь свободно, передвигаться колоннами, не подвергаясь воздушному нападению. Невольно вспоминается наш путь от Локни до Молвотицы, когда незначительного скопления наших войск у дороги было достаточно для того, чтобы подвергнуться пяти-шестичасовой бомбежке. Ясно, что такое затишье еще не есть результат нашего господства в воздухе. Это просто значит, что немцы где-то жмут и туда они бросили всю свою авиацию. Но ведь и это знаменательно, значит, и у них уже не хватает сил жать повсеместно.

По моим расчетам октябрь должен быть переломным. Он должен проявить знания, приобретенные нами за четыре месяца войны. Он должен дать нам господство артиллерийского и минометного огня, веру пехоты в свои силы и первый наш наступательный натиск фронтовых масштабов.

В октябре 1942 года Николай Гаврилович отозван с фронта, служил начальником химической лаборатории НИИ-3 СНК СССР (с 1944 – НИИ-1 НКВД). Выезжал на объекты немецкой ракетной техники в Польше, Румынии и Германии.

С ноября 1946 по январь 1953 года был начальником отдела зенитных снарядов на жидком топливе НИИ-4 МО СССР. В 1945–1946 годах совместно с М.К. Тихонравовым разрабатывал проект ВР-190 – первый проект стратосферной ракеты. В 1948 году написал монографию «Химия ракетных топлив». За неё Учёный совет Института нефти АН СССР присудил Н.Г. Чернышеву учёную степень доктора технических наук, минуя степень кандидата.

В 1952 году определил решение проблемы методов противовоздушной обороны районов страны. Участвовал в создании факультета ракетной техники МВТУ им. Н.Э. Баумана. Читал курс лекций на этом факультете, на Высших инженерных курсах МВТУ, в Академии промышленности вооружения, а также популярные лекции в Политехническом музее.

За самоотверженность и героизм, проявленные на фронте, в тылу врага и в ходе научно-исследовательской работы, Николай Гаврилович был награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 2-й степени и многочисленными медалями, в том числе «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны», «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны», «За Победу над Германией» и другими. Скончался 2 января 1953 г. в возрасте 46 лет. В 1966 г. его именем назван кратер №136 на поверхности Луны.

Долгое время имя Николая Гавриловича Чернышёва было засекречено. Музей, находящийся в здании школы №20 в станице Казанской (ранее – школы №6), где и учился Николай Гаврилович, является единственным музеем страны, который посвящён создателю ракетного топлива.

Николай Гаврилович, несомненно, внес огромный вклад в послевоенное наследие, позволяющее сохранить память о тех страшных годах войны. В своих записях он смог передать смерть, страх, войну, волю к победе.

Литература и источники:

1. Дневник советского офицера Н. Г. Чернышёва (22.06.1941 – 18.06.1942). Группа «Локнянская сага» [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/@-176571017-dnevnik-sovetskogo-oficera-n-g-chernysheva-22061941-18061942>
2. Интернет-сайт: «Космический мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://sm.evlg-rumjantsev.ru/desingers/chernyshov.html>
3. Кантемиров Б. Н. Николай Гаврилович Чернышёв. 1906–1953. – М.: Наука, 2012. – 176 с.
4. Кантемиров Б.Н. Николай Гаврилович Чернышев // Земля и вселенная: журнал. – 1998. – №4.